

А.В.Коротаев

**"АПОЛОГИЯ ТРАЙБАЛИЗМА": ПЛЕМЯ КАК ФОРМА
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
СЛОЖНЫХ НЕПЕРВОВЫБИТНЫХ ОБЩЕСТВ (по материалам
Северо-Восточного Йемена)**

Коротаев Андрей Витальевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора теоретических проблем Института востоковедения РАН.

Имеются некоторые основания, чтобы утверждать: данные о социально-политической организации горцев Ближнего и Среднего Востока (включая Кавказ) предоставляют дополнительные аргументы против ставшей почти классической однолинейной схемы социально-политической эволюции "община (локальная группа) — вождество — (сложное вождество) — раннее государство — зрелое государство (mature state)".

Наиболее четко данная схема была изложена Х.Дж.М.Классеном (см. главы в [1-3]; см. также [4,5] и др.); основы данной однолинейной модели заложены Э.Сервисом [6]. Упомянутые работы свидетельствуют о том, что Классен не видит реальной альтернативы политической эволюции от локальной группы через вождество и раннее государство к государству зрелому. В результате его модель политической эволюции оказывается вполне однолинейной.

Например, Классен пишет: "У вас сложилось впечатление, что мой подход к эволюционизму представляет собой 'откровенно однолинейный' социальный эволюционизм". Пока вы рассматриваете только возможную линию эволюции "община — вождество — раннее государство — зрелое государство", вы правы. Но, так как мы никогда не утверждали, что это единственная линия, ваше утверждение, к счастью, не является верным... Мы намереваемся предложить совершенно другой подход. По нашему мнению, эволюция есть не что иное, как Структурное изменение, а изменение в направлении упадка и коллапса так же эволюционно, как и структурное изменение в направлении роста. На самом деле, мы признаем, что упадок и деградация являются в человеческой истории более обычными феноменами, чем рост и расцвет. Любой подход к эволюции, который не принимает во внимание упадок и деградацию, является таким образом недостаточным, оставляющим за пределами рассмотрения важнейшую часть человеческой истории" (Claessen H.J.M. Personal letter of January 19, 1993).

Нетрудно заметить, что подход Классена не столь далек от позиции "истмата", который также никогда не отрицал возможности (и важности) таких социальных явлений, как застой и "попятное движение". (Вспомним известное высказывание Ленина: "... Представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно" [7].) Вместе с тем, истмат всегда оставался в основе своей вполне однолинейным, так как речь здесь всегда шла о движениях "вверх" и "вниз" по одной-единственной лестнице "исторического прогресса".

В любом случае, на мой взгляд, имеются основания ставить под сомнение плодотворность таких подходов к изучению социальной эволюции, которые рассматривают любой процесс, не вписывающийся в некую однолинейную схему, в качестве "регресса", "упадка", "застоя".

Очевидный недостаток однолинейной эволюционной схемы — то, что она принимает во внимание лишь развитие жестких форм надобщинной политической интеграции, практически полностью игнорируя эволюцию внутриобщинных социально-

политических структур, а также "мягких" видов надобщинных интеграционных форм, не отчуждающих, подобно вождествам или государствам, суверенитета общин (в качестве примеров могут служить древнегреческие амфикистии или образования типа Ахейского Союза, средневековая Швейцарская Конфедерация, "вольные общества" Нагорного Дагестана XVII-XIX вв.).

Уже это обстоятельство заставляет сомневаться в правомерности вышеупомянутой однолинейной схемы. Линия эволюции от общины к зрелому государству (сопровождающаяся, как правило, упрощением Внутриобщинных структур) имеет вполне очевидную альтернативу: примитивная община — община с развитой внутренней структурой - суверенная (или автономная) гражданская община".

Другими словами, целый ряд человеческих сообществ смог достигнуть достаточно высокого уровня общей социокультурной эволюции (сопоставимого с тем, что характерен для вождеств и государств), не развивая жестких форм надобщинной политической интеграции, а совершенствуя внутриобщинные политические механизмы и гибкие, не отчуждающие общинного суверенитета интеграционные структуры. Данная альтернатива имеет целый ряд преимуществ. Действительно, в ходе эволюции через вождество к государству масса общинников, как правило, утрачивает контроль над центром политической системы (становящегося почти всегда все более и более самовластным), превращаясь в подданных. При альтернативном варианте примитивная демократия, как правило, не вырождается; совершенствуется контроль над усложняющимся политическим центром со стороны общинников; общинники достаточно часто превращаются не в подданных, а в граждан (см. подробнее [8]).

Данная альтернатива представляется достаточно значимой; не принимая ее в расчет, невозможно адекватно понять общий ход человеческой истории. Достаточно упомянуть, что альтернатива эта дала феномен классической Греции. Можно вспомнить и суверенную гражданскую общину Женевы, давшую прибежище Кальвину, автономную гражданско-храмовую общину Иерусалима V-IV вв. до н.э., сыгравшую колоссальную роль в религиозной эволюции человечества, суверенную общину Мекки, взрастившую Мухаммада (не забудем, кстати, что и Будда Шакьямуни тоже вырос в одной из суверенных древнеиндийских общин-"республик"), и суверенную общину Ясриба (Медины), принявшую пророка и давшую ему возможность себя реализовать, и т.д.

Принимая в расчет эволюцию как внутриобщинных, так и надобщинных политических структур, мы окончательно отходим от линейных схем. Обнаруживается, что перед нами не две альтернативы, а целое поле возможных вариантов между крайними осями ("развитие жестких надобщинных форм при последовательном редуцировании общинных структур и функций" — "развитие внутренних политических структур полностью суверенной общины"). В реальном процессе социально-политической эволюции приблизительно одинаковый уровень общего социально-культурного развития может обеспечиваться разными сочетаниями роста надобщинных и внутриобщинных политических структур. На этой проблеме мы подробнее остановимся ниже. А пока сделаем еще одно предварительное замечание.

Обрисованная выше альтернатива политической эволюции не является единственной. Начну с того, что уже при первом взгляде на вышеупомянутую однолинейную схему обращает на себя внимание отсутствие в ней такой формы политической организации, как племя. В классической эволюционной схеме Э.Сервиса [6] племенная стадия еще присутствовала, занимая место между стадиями общины и вождества. В дальнейшем эта стадия из упрощенных эволюционных схем исчезла, что представляется не случайным. Действительно, развитые племенные формы политической организации не укладываются в какие-либо однолинейные модели. Наглядно это демонстрируют земледельческие районы Северо-Восточного Йемена.

Северо-Восток Йемена "выбился" из однолинейной схемы политической эволюции уже в конце первого тысячелетия до н.э., когда, по-видимому, в результате первого

социально-экологического кризиса относительно регулярное Древнесабейское государство трансформировалась в систему, состоящую из слабого государства в центре и сильных вожеств на периферии [9-12; 13, ch. IV; 14, 15].

Важно подчеркнуть, что сложившаяся в результате этого средне-сабейскую (II-III вв. н.э.) социально-политическую систему нельзя характеризовать ни как государство, ни как вождество. Эта система не обладала основными характеристиками государства, наличием регулярного формального административного аппарата, искусственным территориальным делением, регулярной системой налогообложения [9-13; 16; 17]. Выше эта система была охарактеризована, как состоящая из слабого государства в центре и сильных вожеств на периферии. Однако нет сомнений, что это была именно система, т.е. целостная совокупность элементов, обладающая интегративными качествами, такими качествами, которые не могут быть сведены к характеристикам, элементов системы¹. Следует принять во внимание и тот факт, что государство и вождества были не единственными элементами этой культурно-политической системы. Она включала субсистему храмовых центров², гражданско-храмовую общину Мариба³ и несколько настоящих племен (не вожеств) в районе сабейских Нижних Земель (прежде всего племена Амиритской Конфедерации⁴ [18; 19]) и др.

С переходом от Древнего периода (первого тыс. до н.э.) к Среднему (I-IV вв. н.э.) сабейская политическая система существенно трансформировалась и начала заметно отличаться от "государства", оставаясь, тем не менее, на том же уровне политической сложности⁵. Сабейцы Среднего периода смогли в обширном территориальном сообществе найти эффективное решение иными, "негосударственными", путями проблем, которые обычно решаются на таком уровне государствами (надобщинная мобилизация ресурсов для обеспечения функционирования управляющей субсистемы, территориальная организация обширного пространства, обеспечение на этом пространстве гарантий жизни и собственности и т.д. [16; 20]).

"Среднесабейский" опыт демонстрирует, что хорошо интегрированная территориальная общность (даже если является достаточно большой, сложной и развитой, по сравнению, скажем, со средним вождеством) совсем не обязательно должна быть политически организована как государство. Этот опыт показывает, что для "раннего государства" (в классеновском понимании [см. 2]) переход к "зрелому государству" (mature state) или полная "дегенерация" (до уровня примитивных племен и вожеств) не были единственно возможными путями эволюции. Одной из возможных альтернатив здесь могла быть трансформация в "политическую систему среднесабейского типа" (для

¹ Вряд ли продуктивно рассматривать среднесабейский культурно-политический ареал как простой конгломерат политических единиц или как нечто, подобное союзу племен или государств: уровень политической интеграции для данной системы был достаточно высоким, вполне сопоставимым с политической интегрированностью среднего раннего государства. Подобную систему следует отнести к тому же уровню политической интеграции, что и раннее государство, а не видеть в ней однопорядковую таким образованиям, как союзы племен или государств.

² Как я стремился показать в другом месте [12; 13; 14, ch. II.3., III.3., IV.3., V], среднесабейские храмы имели важные политические функции; однако уровень их автономии обычно очень высок, и они не могут рассматриваться как интегральные компоненты административных субсистем среднесабейских вожеств и государства.

³ Эту гражданско-правовую общину, по-видимому, неправильно определять ни как "вождество", ни как "государство". Есть основания предполагать существование автономных гражданско-храмовых общин в Нашке и Нашане [см.: 76-79]. "Ша'б" Сирваха, по-видимому, обладал чертами гражданско-храмовой общины на некоторых этапах своей истории.

⁴ Эти племена, впрочем, не играли в функционировании среднесабейской политической системы важной роли.

⁵ В соответствии с эволюционной терминологией, предложенной А.Н.Северцовым [80, 81], подобная трансформация должна быть охарактеризована как "идеоадаптация" (cladogenesis [82; 83]), хотя не как "ароморфоз" (anagenesis в том смысле слова, в каком это понятие было предложено Б.Реншом [82; см. также: 83], но и в любом случае не как "дегенерация".

обозначения подобных социально-политических систем в современной социоантропологии отсутствует сколько-нибудь адекватный термин; свой термин я предложу позже). Реальные процессы политической эволюции оказываются менее однолинейными, чем предполагается.

В дальнейшем социально-политическая эволюция ареала стала отклоняться еще дальше от траектории, предписываемой однолинейными неэволюционистскими схемами. В первом тысячелетии н.э. в Северо-Восточном Йемене система, состоящая из слабого государства в центре и сильных вожеств на периферии, трансформировалась в политический организм, состоящий из более сильного государства в центре и собственно племен (но не вожеств) [см. 21; 22, p.191; 23]. Племена и государство в этой системе образовывали единое хорошо интегрированное целое [21; 22; 24-29; 30, p.79-95, 171-173]. Адекватный термин для обозначения подобной системы, видимо, отсутствует.

Возможно, следовало бы предложить что-то типа "мультиполития" — от латинского *multi* (много) и древнегреческого *politeia* (политическое устройство); при этом нужно учитывать и широко употребляемый в современной англоязычной политантропологии термин *polity*, образованный от вышеупомянутого греческого слова и использующийся в качестве родового по отношению к таким понятиям, как "государство", "вожество", "суверенная община" и т.д. для обозначения автономных политических систем любого типа. Этот термин (в форме "полития") был бы, на мой взгляд, нелишним и в терминологическом аппарате отечественной политической социологии. Мультиполития — это высокоинтегрированная система, состоящая из разнородных политий (государства и вожеств, или государства и племен).

Нет никаких оснований рассматривать мультиполитию как локально южноаравийский феномен. Внеюжноаравийские примеры мультиполитий североеменского типа ("государство + племена") можно без труда найти на Среднем и Ближнем Востоке Нового Времени [см. 31-34; 35, p.85-104 и т.д.]; внеюжноаравийские примеры мультиполитий среднесабейского типа ("государство + вожества [+ независимые общины]") — на Ближнем и Среднем Востоке Нового времени (где заметная часть "племен" представляла собой вожества, по терминологии Э.Сервиса [36, p.238-243; 6, p.144 и др.]). Примером внеближневосточной мультиполитий среднесабейского типа ("государство + вожества") может служить королевство Бенин в отдельные периоды своей истории [37; 38], а возможно, и некоторые другие западноафриканские королевства [6, p.144].

Двумя вышеуказанными типами все многообразие мультиполитий не исчерпывается. Например, ни к одному из них не может быть отнесено такое политическое образование, как "государство святых" Центрального Атласа Нового времени, периферия которого состояла из племен, однако центр его не может быть охарактеризован ни как вожество, ни как государство, ни как племя [39].

Необходимо подчеркнуть, что описанные трансформации социально-политической системы Северо-Восточного Йемена нельзя рассматривать как "дегенерацию" или "регресс", ибо ни в первом, ни во втором система не теряла своей сложности — одна сложная политическая система трансформировалась в структурно иную, но не менее сложную высокоорганизованную систему. Общий уровень самоорганизации системы при этом даже несколько повышался.

Представим аргументацию в пользу того, что трансформацию доисламского "сабейского" в средневековый (и современный) *qabilat Hashid* имеет смысл рассматривать как трансформацию вожества в племя (или конфедерацию). Конечно, понятия "племя" (*tribe*) и "вожество" (*chiefdom*) многозначны. Особенно понятие "племя", употреблявшееся (и употребляемое) многими исследователями и для обозначения политических структур, подпадающих под определение "вожества". Это относится к

понятию *tribe-state* Б.Малиновского [40; см. также 41, p.20-21; 42, с.75⁶; о смешении понятий *tribe* и *chiefdom* см.: 43, p.60-65, 88-98]. При таком понимании среднесабейский "ша'б" второго порядка⁷ [см.10, 14] вполне может быть обозначен и как "племя".

Понятие "вождество" (*chiefdom*) в том виде, в каком оно было введено в научный оборот Э.Сервисом [6], отграничивалось от понятия "племя". Однако в дальнейшем этот термин стал приобретать все большую многозначность, некоторые исследователи сближали его с понятием "племя" так как оно было определено Э.Сервисом [44; 41, p.20-21].

"Терминологический голод" в современной палеосоциологии, на мой взгляд, столь силен, что употреблять понятия "племя" и "вождество" в качестве синонимов было бы непозволительной роскошью. Если же мы решим использовать эти понятия для обозначения двух разных исторических форм политической организации, определенным приоритетом, на мой взгляд, должны пользоваться критерии различения вождества и племени, предложенные исследователем, впервые введшим понятие "вождество" (*chiefdom*) в научный оборот. Речь идет о Э.Сервисе [6]. Само слово *chiefdom* употреблялось и до него, прежде всего политантропологами, изучавшими социально-политическую организацию индейцев Южной Америки [45-47]. В их трудах *chiefdom* использовался для обозначения одного из типов политических систем коренного населения данного региона.

Однако именно Э.Сервис впервые разработал понятие "вождество" как универсальную (а не региональную) форму политической организации, указав достаточно четкие отличия вождества как от племени, так и от государства [6, p.133-169].

Впрочем, Э.Сервис, к сожалению, не дал вполне строгих определений племени и вождества. Тем не менее, он указал критерии для различения данных форм политической организации, и критерии эти создают основу для проведения номинального измерения.

Как Э.Сервис определяет различия между политической организацией племени и вождества? "Лидерство в племенном обществе является личным ... и осуществляется только для достижения конкретных целей; отсутствуют какие-либо политические должности, характеризующиеся реальной властью, а вождь здесь просто влиятельный человек, что-то вроде советника. Внутриплеменная консолидация для совершения коллективного действия, таким образом, не совершается через аппарат управления... Племя ... состоит из экономически самодостаточных резидентных групп, которые из-за отсутствия высшей власти берут право себя защищать. Проступки против индивидов наказываются самой же корпоративной группой... Разногласия в племенном обществе имеют тенденцию генерировать между группами конфликты с применением насилия" [6, p. 103].

Сказанное Сервисом может быть вполне отнесено (естественно, не без некоторых оговорок) к современным североевропейским племенам, но не к среднесабейским "ша'бам" второго порядка [10; 14; 20, ch.II]. "Шейх не может предпринимать чего-либо от лица

⁶ В позднейших работах В.А.Попов рассматривает вождество как особую, отличную от племени, форму политической организации [84].

⁷ Среднесабейский культурно-политический ареал представлял собой прежде всего систему "ша'бов". Как показал французский сабеист К.Робэн, понятие это в разных контекстах обозначало различные (особенно с точки зрения современного исследователя) типы общностей, образовывавших определенную структурную иерархию [85, p.2,3; 69, vol.I, p.71-77; 23, p.22-25]. "Ша'бы" первого (сверху) порядка представляли собой аморфные этнокультурные общности, не имевшие (если только не совпадали с "ша'бами" второго порядка) никакой политической централизации, но связанные, как правило, общим самоназванием, "общеплеменным" божеством, некоторыми особенностями культуры (общий календарь, эпонимат и т.п.). Эти общности занимали территории в несколько тысяч кв.км. "Ша'бы" второго порядка — гораздо более политически централизованные общности, занимавшие территорию в несколько сот кв.км [85, p.2,3; 69, vol.I, p.71 -93; 23, p.22-24]. Наконец, каждый "ша'б" второго порядка включал несколько "ша'бов" более низкого, третьего порядка, охватывавших территории в несколько десятков кв.км. "Ша'бы" этого порядка представляли собой достаточно компактные самоуправляющиеся территориальные образования с явно выраженным центральным поселением, "хагаром" (*hgr*).

своих людей просто на основе своего формального положения; всякая акция, затрагивающая их интересы, должна быть с ними согласована" [48, p.39]. "Власть, которую шейх может иметь над группами членов племен, не обеспечивается его формальным положением. Он должен постоянно участвовать в их делах, и участвовать успешно" [48, p.41; см. также: 24; 25, p.229-251; 26; 49-50; 51, p.39-54; 52; 53, с.47-58, 175-223; 27; 22; 29 и т.д.].

Необходимо подчеркнуть, что характеристикой племенной организации логичнее считать не сами конфликты между составляющими племя "резидентными группами", которые отличают и первобытные сообщества, не имеющие племенной организации (Э.Сервис относит последние к "the band level of sociocultural integration" [6, p.46-98]), а то, что племенная организация ставит эти конфликты в определенные рамки, заставляет стороны конфликтовать по определенным правилам, предоставляет в распоряжение сторон зачастую крайне развитые механизмы посредничества, нередко эффективно блокируя дезинтегрирующие последствия подобных конфликтов, вместе с тем не отчуждая "суверенитета" резидентных групп. (Э.Сервис говорит об этом, но, на мой взгляд, недостаточно четко.) Необходимо отметить, что описанная Э.Сервисом ситуация может быть связана не с полным отсутствием каких-либо надплеменных политических структур ("higher authority"), а с их слабостью (как это наблюдается в большинстве племен Ближнего и Среднего Востока); слабость же подобных структур в "племенных районах" может быть обусловлена эффективностью племенной организации, позволяющей достаточно высокоразвитому населению обходиться без государственной организации.

При этом к сказанному Э.Сервисом необходимо (чтобы избежать нежелательной синонимии) добавить и такой критерий, как "сверхобщинность" племенной организации — для того, чтобы вышеописанную форму политической организации рассматривать как "племенную", она должна охватывать более одной общины, иначе это будет просто разновидность общинной организации. Можно согласиться с утверждением М.Фрида о том, что "существеннейшим элементом понятия племя является выход племенной организации за пределы одной, отдельно взятой, общины и, *pari passu*, то, что племенная организация имеет функции, объединяющие деревни, которые иначе существовали бы сами по себе, в единое взаимодействующее целое" [43, p.39]; сходные соображения см. [54, с.141].

Реальное употребление Э.Сервисом понятия "племя" (tribe) не противоречит сказанному [6, p.99-132], хотя этот критерий и не был им четко сформулирован.

Социально-политическая организация вождества характеризуется Э.Сервисом следующим образом: "Важнейшее изменение, совершающееся на уровне вождества, заключается в том, что специализация и редистрибуция уже не привязаны к отдельным акциям, а характеризуют большую часть деятельности общества. Вождества — это редистрибутивные общества с постоянным центральным координирующим центром" [6, p. 134]. "Когда позиция вождя становится постоянной должностью в структуре общества, социальное неравенство становится характеристикой всего общества, за чем следует и неравенство в потреблении... Создание наследственной должности вождя и высокого статуса занимающего ее индивида, естественно, влечет за собой возможность и иных высоких статусов... Высокий статус вождя поднимает статус всех членов его семьи... а затем до некоторой степени и всего его рода... Вождь создает своего рода "аристократию"... Другой важной чертой является его способность планировать, организовывать и использовать общественный труд" [6, p.139,140]. "В некотором смысле вождество имеет пирамидальную или коническую структуру" [6, p.142].

Наконец, Э.Сервис прямо формулирует основные отличия вождества от племени: "Вождество радикально отличается от племени или первобытной общины не только экономической и политической организацией... — племена эгалитарны, вождества же глубоко неэгалитарны" [6, p.142]. "Наиболее четкая характеристика, отличающая вождества от племен... — это всепронизывающее неравенство между индивидами или

группами в вождествах... Эфемерный лидер, характерный для племен, имеет функции и атрибуты, вытекающие из его собственных способностей. Должность [вождя] — это позиция в социально-политической структуре, имеющая постоянно принадлежащие ей функции и признанные атрибуты вне зависимости от того, кто ее занимает" [6, p.145,146] и т.д.

Этой характеристике не противоречат и определения вождества, даваемые другими исследователями, например: "автономная политическая единица, включающая в себя некоторое число деревень или общин, находящихся под постоянным контролем верховного вождя" [55, p.45]; "полития, централизованно организующая региональное население, исчисляемое тысячами" [56, p.1]; "промежуточная форма политической структуры, в которой уже есть централизованное управление и наследственная иерархия правителей и знати, существует социальное и имущественное неравенство, но еще нет формального и тем более легализованного аппарата принуждения и насилия" [57, с.182].

Подчеркну, что если среднесабейский "ша'б" второго порядка [см.: 16; 10; 14; 20, ch. II] неплохо (хотя и с небольшими оговорками) соответствует описанию "вождества", данному Э.Сервисом (как, впрочем, и определениям других исследователей), то описание тем же автором "племени" с небольшими оговорками может быть отнесено к йеменским qaba'il средневековья, Нового и Новейшего времени. Упомяну главную из этих оговорок.

Политическая организация йеменских gaba'il, действительно, относительно⁸ эгалитарна. Однако в целом северойеменские племенные сообщества никак не могут быть признаны эгалитарными. Дело в том, что наряду с членами племен (составляющими большинство населения и основную массу пашенных земледельцев) в племенные сообщества включают многочисленные "квазикасты"⁹ невооруженного "слабого" (du'afa') населения, не входящего в племенную организацию и находящегося "под защитой" племен: мясники и цирюльники (mazayinah), племенные "геральды" (dawashin), торговцы (bauya'in), огородники (ghashshamin), ремесленники, прежде всего ткачи (sani'in) и т.д.; к "слабым" в племенной зоне традиционно относилось и еврейское население этих мест¹⁰ [21, с.64, 87; 24, p.234-249; 49; 58, p.76-82; 50, p.48, 54; 57; 51, p.15-37; 27, p.159; 22, p.117-123; 29, p.36; 59; 60, p.42-47, 631].

Целостная картина социальной стратификации племенных сообществ Северного Йемена осложняется и присутствием в них сайидов (sadah — "религиозные аристократы", ведущие свое происхождение от пророка Мухаммада) и кацийев (qudat — "судьи", знатоки священных книг, не ведущие своего происхождения от пророка), также в большинстве своем находящиеся под защитой племен и играющих достаточно важную

⁸ На качественную разницу между положением шейхов современных северойеменских племен и кайями среднесабейских "ша'бов" второго порядка обратил внимание К.Робэн [69, vol.1, p.83-85]. Действительно, если шейхи северойеменских племен — это "первые среди равных" [24, с.115-133, 209-212, 259-266; 48; 27, p.156,157; 22, p.38-116; 29, p.36], то среднесабейских "кайлей" от рядовых членов "ша'бов" отделяла гигантская социальная дистанция. Например, отношение "кайлей" и их "ша'ба" передается в надписях через категории "зависимые — господа" ("dm — 'nr"); те же категории используются для обозначения отношений между клиентами и патронами, подданными и царем, людьми и божествами (подробнее см.: [14]). Конечно, подобный стиль отношений между лидерами и рядовыми членами политической системы совершенно немыслим для современных (и средневековых) северойеменских племен. Примечательно, что термин sauyid ("господин"), еще в раннеисламский период употреблявшийся для обозначения глав племен [21, с.77; 22, p.169, 191, 192], позднее был полностью вытеснен на Севере Йемена более нейтральным shaykh ("старец"), в то время как "сайид" закрепляется за представителями религиозной аристократии, находившейся в племенной зоне северойеменской мультиполитии вне племенной организации, под защитой племен.

⁹ На определенное сходство традиционных систем социальной стратификации Южной Аравии и Индии обращалось внимание [см., например: 50, p.59]. Вместе с тем отмечаются и достаточно существенные различия между двумя системами социокультурной стратификации [86, с.42; 50, p.59; 51, p.33; 22, p.153].

¹⁰ Становление данной системы квазикаст, по-видимому, относится к XII-XIV векам [21, с.87]. Описание во многом сходной системы "квазикаст" в Хадрамауте см.: [87, с.23; 88, с.78; 89; 86, с.21-29; 90; 91, p.13-53 и т.д.].

роль в функционировании этих сообществ¹¹ [21, с.65, 87, 101; 24, с.212-227; 25; 49; 58, р.70,71; 50, р.581; 27, р.1591; 22, р.136-157; 61, р.123; 29, р.36,37; 59 и др.].

"Неплеменные квазикасты" североийеменских племенных сообществ включали в себя меньшую часть их населения, однако принимать их в расчет нужно обязательно, ибо во многом благодаря им североийеменский племенной мир и представлял собой то, чем он был: достаточно сложную высокоорганизованную (и совершенно "непервобытную") систему, вполне сравнимую с доиндустриальными государственно-организованными системами (например, культурно-политическими системами йеменского Южного Нагорья).

Необходимо подчеркнуть, что понятие "племя" в том виде, в котором оно употребляется социантропологами при описании социально-политической организации северных йеменцев (или многих сообществ Атласа, Киренаики или Афганистана) в XIX-XX веках, представляется полезным, ибо обозначает определенную форму надобщинной политической организации, которая не может быть адекватно обозначена иными принятыми в современной науке терминами ("вождество" и, тем более "государство" или "община"). Мы наблюдаем здесь такую форму политической организации, когда функционирование устойчивых форм межобщинной интеграции осуществляется без монополизации соответствующими внутрплеменными структурами применения насилия, без приобретения ими формальной власти над общинами и общинниками, когда, скажем, конфликты разрешаются (либо коллективные "общеплеменные" акции предпринимаются) не через обязательные к исполнению решения облаченных властью должностных лиц, а через поиск лидерами, лишенными формальной, абсолютной (безотносительной к их личным качествам) власти, консенсуса всех заинтересованных членов племени (или племен) и т.д.

Именно такая политическая структура¹² может быть обозначена как племя (в неэтническом смысле этого понятия), в то время как среднесабейские надобщинные объединения, "ша'бы" второго порядка, могут быть с наибольшими основаниями обозначены как "вождества". Вместе с тем при таком подходе надо констатировать отсутствие собственно племенной организации в сабейском культурном ареале доисламской эпохи¹³. Именно поэтому, на мой взгляд, имеет смысл говорить о трансформации вождеств в племена в районе "сабейского" Нагорья в раннеисламскую эпоху.

Вывод о том, что племя может быть совершенно непервобытной, достаточно поздней формой политической организации, трудно назвать новым. К близкому выводу давно пришел М.Фрид [62; 43], утверждавший, что племя — непервобытная форма политической организации, возникающая достаточно поздно как результат

¹¹ Сами сайиды и кадийи считали свой статус более высоким, чем у членов племен, однако нет никаких оснований рассматривать их как господствующий, доминирующий слой североийеменских племен иных сообществ [см., например: 27, р.159; 22, р.136-157]. Монополией на применение насилия обладали племена (вернее, их члены), а не сайиды. Несмотря на высочайший авторитет и репутацию сайидов, политическими лидерами были все-таки не они, а шейхи. Взаимоотношения между сайидами и членами североийеменских племен не сколько напоминают отношения между брахманами и кшатриями в древней Индии [ср.: 92, с.301-304]. Очевидно, что присутствие в североийеменской племенной зоне групп сайидов, пользовавшихся в племенах высоким авторитетом (хотя и не господствовавших над ними), должно было служить фактором интеграции североийеменской мультиполитии, государственный центр которой на протяжении большей части последнего тысячелетия возглавляли представители религиозной аристократии (сайидов), зейдитские имамы [см.: 51, р.26-29; 30, р.95, 149-155].

¹² А не аморфные слабоорганизованные совокупности первобытных локальных групп или подобные социально-политические образования, которые можно обозначить как "общины" или "вождества", — примеры неудачного употребления понятия "племя" (tribe) приводит, в частности, М.Фрид [43].

¹³ По крайней мере, в его нагорной части, ибо возможно уже в Средний Период племенную организацию имело полукочевое население района ал-Джауфа, например, часть амиритов [93, р.432; 19, р.81-159; 94, р.282-283; 18; 95].

"структурирующего" воздействия уже возникших государственных систем на "неструктурированные" массивы независимых общин.

Полностью соглашаясь со взглядом М.Фрида на племя как на непервобытную позднюю форму социально-политической организации, можно, опираясь на южноаравийские материалы, предположить, что племенная организация возникает и иным путем, например, в результате трансформации вожеств. Вообще М.Фрид, по моему, несколько абсолютизировал роль "структурирующего воздействия" государства, проигнорировав изучение внутренней эволюции негосударственных политических систем, ведущих к сложению племенной организации.

Конечно, нет никаких оснований рассматривать племенную организацию Северного Нагорья как результат "структурирующего" воздействия государств на неструктурированное первобытное население. Существенное воздействие на генезис племенной организации оказали, скорее, арабские племена Центральной Аравии, в тесном контакте с которыми данный ареал находился на протяжении всей поздней доисламской и раннеисламской истории [21, с.8, 64, 69,70; 49-50; 51, р.45-46; 23, р.29; 63, р.213, 221; 18; 64, р.16; 65, S.493; 19, S.181-183, 195,196, 403-406 и т.д.]. Их заметным вкладом было то, что они принесли на юг Аравии "генеалогическую культуру" [21, с.53, 69; 66, р.257,258; см. также: 67, р.543; 68, р.500; 69, vol.I; 23 и т.д.].

В итоге, основная часть земледельческого населения Северного Нагорья оказалась обладательницей глубоких, древних (и вполне "добротных" даже с точки зрения северных арабов) генеалогий, что создавало неплохую идеологическую основу для борьбы населения за Сохранение своего высокого статуса. "Генеалогическая идеология" (представление племен и их конфедераций как потомков эпонимных предков, находящихся в определенных родственных отношениях) — прекрасная основа и для развития племенной политической культуры, которая помогает налаживанию механизмов гибкого взаимодействия между племенными общностями разных уровней.

И хотя существенное воздействие североаравийских племен на формирование "племенного этоса" в данном ареале особых сомнений не вызывает, некоторые авторы, на мой взгляд, недооценивают значение внутренней логики эволюции данного ареала. Генезис северойеменской племенной организации, с моей точки зрения, — прежде всего реализация общей тенденции к "эгалитаризации", наблюдающейся в данном ареале еще с конца первого тысячелетия до н.э., результат долгих "поисков" земледельческим населением Северного Нагорья оптимальных для региона форм социально-политической организации.

Генезис племенной организации на северо-востоке йеменского Нагорья может рассматриваться и как ответ социально-политической системы ареала на вызов, "брошенный" ей вторым социально-экологическим кризисом (вторая половина первого тысячелетия н.э.). Вызван данный кризис был, по-видимому, "престижной экономикой" вожеств ареала, приведшей к перенапряжению весьма хрупкой естественной среды данной части Нагорья (например, к крайней деградации растительного покрова востока Североеменских гор [70, р.127; 63, р.220, 221; 77, р.67 и т.д.]). Сильнее всего этот кризис ударил по внутренним Нижним Землям, которые уже к концу VI века н.э. пришли в почти полный упадок, из которого в дальнейшем так и не смогли выйти. Однако кризис этот затронул и Северо-Восточное Нагорье.

В отличие от Нижних Земель, население Нагорья смогло выйти из социально-экологического кризиса без какого-либо понижения уровня своей самоорганизации, хотя и без полного восстановления естественной среды ареала. Социоэкологическая среда ареала оказалась не в состоянии обеспечить престижное потребление кайлей и их окружения. Выход из второго социально-экологического кризиса был достигнут во многом за счет "отторжения" социально-политической системой ареала родовой аристократии и генезиса племенной организации, обеспечивавшей существование

достаточно сложного аграрного общества при крайне "экономичном" производстве прибавочного продукта.

С одной стороны, племенная организация земледельческого населения ареала давала ему возможность успешно бороться (с оружием в руках) за поддержание крайне низкого уровня налогообложения со стороны государственного центра северорейемской мультиполитии¹⁴.

С другой стороны, сохранялся эффективный контроль земледельческого населения над ресурсами, расходуемыми на содержание неземледельческих слоев племенной зоны (включая ее интеллектуальные и политические элиты). В результате экономическая система ареала обеспечивала достаточно сложные неземледельческие структуры (включавшие множество неземледельческих городков, рынков, центров традиционного образования и учености и т.д.) необходимым минимумом (именно минимумом) ресурсов, практически блокируя "непроизводительное разбазаривание" этих ресурсов на престижное потребление верхов.

Племенная организация, возможно, представляла собой едва ли не единственную политическую форму, которая могла позволить в доиндустриальном мире устойчиво воспроизводиться сложным высокоорганизованным сообществам в крайне бедной и неустойчивой хозяйственно-экологической среде йеменского Северо-восточного Нагорья [27, p.156; см. также: 22, p.8-15]. Я бы даже сказал, что в доиндустриальных условиях социально-экономической системе ареала следовало бы избавиться от сколько-нибудь развитой государственной "надстройки", заставлявшей земледельцев ареала производить избыточные количества прибавочного продукта для того, чтобы стать устойчивой и не вызывать постоянные социально-экологические кризисы или деградировать.

По-видимому, заметную роль в совершенствовании системы адаптации земледельческого населения к сложным природным условиям Северного Нагорья, и прежде всего к частым засухам, сыграло развитие в племенной зоне Севера товарно-денежных отношений. Племенная система оказалась в состоянии обеспечить крайне высокий для доиндустриального аграрного общества уровень их развития. Большую роль здесь сыграл такой важнейший северорейемский племенной институт как *hijrah* [об институте хиджры см.: 24, p.214i; 26, p.87-88; 49, p.81-82; 58, p.79-80; 50, p.58-59; 51, p.28,29; 22; 28, p.257; 72, p.89; 73, p.43; 74; 60, p.63-65 и т.д.].

Хиджра — институт, ставящий под защиту (нередко документально оформленную) племени (или группы племен) некий объект. При этом в качестве объекта хиджры могли выступать: люди (например, семейство сайидов — "религиозные аристократы", ведущие свое происхождение от пророка Мухаммада, — проживающее на территории данного племени), места проведения встреч между племенами, рынки, городки (населенные, как правило, "слабыми", сайидами и кадийями в большей степени, чем членами племен) и т.п. Во многом благодаря этому институту северорейемская племенная организация смогла обеспечить достаточно высокий уровень развития товарно-денежных отношений — через учреждение хиджр, обеспечивающих и организующих защиту соответствующими племенами сотен рынков, покрывших собсд) всю племенную зону Северного Нагорья.

Племена, объявляющие данный рынок своей хиджрой, берут на себя обязательство (зачастую документально оформленное) обеспечивать его полную безопасность, например, гарантируя, что за преступление, совершенное на данном рынке, компенсация пострадавшему будет выплачиваться в многократном размере. На территории рынка (или иного места), объявленного хиджрой, было запрещено прибегать к любому насилию, даже законному с точки зрения обычного права племен [50, p.58; 49, p.82; 75, p.432; 22; 60, p.63-65]. Неспособность племени обеспечить выполнение взятых на себя обязательств подобного рода, естественно, наносила сильнейший удар по его репутации.

¹⁴ Согласно зейдитской доктрине налог с урожая зерновых не должен был превышать 5-10% (в зависимости от типа земель [см., например: 30, p.88]), а северорейемским племенам удавалось поддерживать налогообложение именно на таком предельно низком уровне.

Важную роль сыграло создание достаточно эффективной системы защиты племенами невооруженного "слабого" населения, включавшего в себя и торговцев (bauya'in). Надо подчеркнуть, что "покровительство", оказываемое племенами "слабому" населению, не являлось пустым звуком. Неспособность племени защитить находящегося под его покровительством "слабого" (например, обеспечить получение компенсации за совершенное против него преступление) наносит сильнейший удар по репутации племени, при том что размер компенсации зачастую в 4 раза (крайне редко, и в 11 раз) превышает компенсацию за подобного рода преступление, совершенное против члена племени [22, p.118, 407; см. также 26, p.159; 49, p.75; 50, p.55; 29, p.36; 60, p.44].

Большую роль для развития торговли в племенной зоне сыграло создание системы обеспечения безопасности прохода иноплеменников через территории племен [53; 75; 22].

В итоге во многих племенных районах появился дополнительный, неформальный "страховой фонд" в виде хлебных запасов "низкокастовых" торговцев (bauya'in), скупавших зерно у членов племен (к которым относились практически все пашенные земледельцы Севера) в урожайные годы и продававших это зерно в неурожайные годы (естественно, не без выгоды для себя [60]). Важно подчеркнуть, что крайне низкий (по сравнению с членами племен) статус торговцев препятствовал их превращению в доминирующую элиту общин, блокировал непроизводительные расходы аккумулируемых ими ресурсов на собственное престижное потребление и т.д.

Необходимо обратить внимание и на то, что результатом взаимодействия в исламскую эпоху племенной и государственной организации на Северном Нагорье явились не подрыв или ликвидация племенных структур, а становление северойеменской мультиполитии. В ее рамках (хотя взаимоотношения между государственным центром, созданным зейдитскими имамами, и племенной периферией были отнюдь не бесконфликтными) было достигнуто определенное равновесие, неформальным образом "разграничены полномочия" между двумя ее основными составляющими, разработаны взаимовыгодные "правила игры".

Итак, в Северо-Восточном Йемене, в первое-второе тыс. н.э. наблюдались документированный процесс трансформации вождеств в племена, радикальная эгалитаризация социально-политической организации земледельческого населения. Примечательно, что этот процесс сопровождался бурным развитием товарно-денежных отношений и частной собственности на землю, а также развалом "экономической собственности" и вообще крайней индивидуализацией экономических (и не только экономических) отношений. В результате этих процессов в Северо-Восточном Йемене сложились весьма развитые племенные сообщества. Племенная организация оказалась в состоянии обеспечить (во многом за счет племенных институтов) достаточно устойчивое воспроизводство высокоразвитых земледельческих сообществ в крайне неблагоприятных географических условиях. Во многом благодаря этим институтам племенная зона Северо-Востока оказалась покрыта плотной сетью из сотен рынков (обеспечивавшей очень высокий для доиндустриального общества уровень товарно-денежных отношений), многочисленными неземледельческими городками и центрами традиционной учености; широко использовалась письменность, в том числе и самими племенами: для фиксации племенного права, соглашений между племенами, племенных гарантий безопасности городов, рынков и т.д. и т.п.

Нет никаких оснований считать процесс трансформации вождеств в племена на Северо-Востоке Йеменского Нагорья "дегенерацией" или "регрессом". Благодаря ему общий уровень развития ареала даже несколько вырос, при том что ощутимо увеличилась и экологическая устойчивость социоестественной системы ареала.

Для определенных стадий общей социальной эволюции племенную организацию имеет смысл рассматривать как некую (хотя и достаточно ограниченную по эволюционному потенциалу) альтернативу государству (и вождеству), нежели как догосударственную (и тем более "довождескую") форму политической организации.

Племя является скорее "парагосударственной", чем "догосударственной" социально-политической формой. И в любом случае нет оснований рассматривать в качестве "первобытной" (даже "пережиточно первобытной") родоплеменную организацию, характерную для части населения Ближнего и Среднего Востока, сложившуюся (как и государства этого региона) в результате долгого "постпервобытного" исторического развития как особый (и достаточно эффективный) вариант социально-политической адаптации достаточно высокоразвитых сообществ к изменениям естественной и социоисторической среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Development and Decline: The Evolution of Sociopolitical Organization / Ed. by H.J.M.Claessen, P. van de Velde and M.E.Smith. South Hadley, MA: Bergin and Garvey, 1985.
2. The Early State / Ed. by H.J.M.Claessen and P.Skalnik. The Hague — Paris — New York: Mouton, 1978.
3. The Study of the State / Ed. by H.J.M.Claessen and P.Skalnik. The Hague — Paris — New York: Mouton, 1981.
4. Claessen H.J.M. The Internal Dynamics of the Early State // Current Anthropology. 1984. Vol. 25. N 4.
5. Claessen H.J.M. Evolutionism in Development. Beyond Growing Complexity and Classification // Kinship, Social Change and Evolution / Ed. by A.Gingrich et al. Wien: Verlag Ferdinand Berger & Soehne, 1989-1992. P. 231-247.
6. Service E.R. Primitive Social Organization: An Evolutionary Perspective. 2nd ed. New York: Random House, 1971 [1st ed. — 1962].
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 30. С. 61.
8. Коротаев А.В. Горы и демократия: К постановке проблемы // Восток. 1995. № 3.
9. Коротаев А.В. Некоторые общие тенденции и факторы эволюции сабейского культурно-политического ареала (Южная Аравия: X в. до н.э. — IV в. н.э.) // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: Памяти Л.Е.Куббеля / Под ред. В.А.Попова. М.: Наука, 1993. С. 295-320.
10. Korotayev A.V. Middle Sabaean Cultural-Political Area: Qayls, their Bayt and Sha'b // *Aula Orientalis*. 1995. Vol. 11. (in press).
11. Korotayev A.V. Sabaean Cultural-Political Area: Some General Trends of Svolution // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 1993. Vol. 23. P.49-60.
12. Korotayev A.V. Sabaean Cultural-Political Area in the 2nd and 3rd Centuries AD: Problem of Taxation at the Kingdom Level and Temple Tithe // *Annali del L'Istituto Orientale di Napoli*. 1994. Vol. 54. P.1-14.
13. Korotayev A.V. Ancient Yemen: Some General Trends of Evolution of the Sabaic Language and Sabaean Culture. Oxford: Oxford University Press, 1995 (in press).
14. Korotayev A.V. Middle Sabaean Cultural-Political Area: Qayls and their Tribesmen, Clients and Maqtawis // *Acta Orientalia*. 1995. Vol. 56. P.39-54.
15. :Korotayev A.V. Middle Sabaean Royal Succession // *Annali dell'Istituto Orientate di Napoli*. 1995. Vol. 55 (in press).
16. Жоротаев А.В. Политическая организация сабейского культурного ареала по II-III вв. н.э.: К соотношению племени и государства // *Племя и Государство в Африке / Под ред. Ю.М.Ильина и др. М: Институт Африки АН СССР, 1991. С.101-119.*
17. Korotayev A.V. Some General Trends and Factors of Evolution of the Sabaean Civilization // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1995. Vol. 38 (in press).
18. Robin C. La penetration des Arabes nomades au Yemen// *Revue du Monde Irtusulman et de la Mediterranee*. 1991. Vol. 61. P.71-88.

19. Wissmann von H. Zur Geschichte und Landeskunde von AltSuedarabien. Wien: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1964.
20. Korotayev A.V. Pre-Islamic Yemen: Socio-Political Organization of the Sabaean Cultural Area in the 2nd and 3rd Centuries A.D. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1996 (in press).
21. Пиотровский М.Б. Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества. М.: Наука, 1985.
22. Dresch P. Tribes, Government and History in Yemen. Oxford: Oxford University Press, 1989.
23. Robin C. Esquisse d'une histoire de l'organisation tribale en Arabie du Sud antique // La peninsule Arabique d'aujourd'hui / Ed. by P. Bonnenfant. T.II. Paris: C.N.R.S., 1982. P.17-30.
24. Abu Ghanim F.A.A. Al-bunyah al-qabaliyyah fi 1-Yaman bayna listimrar waltaghayyur. Dimashq: Matba'at al-Katib al-'Arabiyy, 1985.
25. Abu Ghanim F.A.A. Al-qabilah wa-l-dawlah fi 1-Yaman. alQahirah: Dar al-Manar, 1990.
26. Bruck vom G. Reconciliation ambigue: une perspective anthropologique sur 4e concept de la violence legitime dans l'imamat du Yemen // La violence et l'etat / Ed. by E.LeRoy and T.von Trotha. Paris: L'Harmattan, 1993. P.85-103.
27. Dresch P. Tribal Relations and Political History in Upper Yemen // Contemporary Yemen: Politics and Historical Background / Ed. by B.R.Pridham. London — Sydney: Groom Helm, 1984. P.154-174.
28. Dresch P. Imams and Tribes: The Writing and Acting of History in Upper Yemen // Tribes and State Formation in the Middle East / Ed. by P.S.Khoury and J.Kostinel. London: I.B.Taurus, 1991. P.252-287.
29. Obermeyer G.J. Le formation de l'imamat et de l'etat au Yemen: Islam et culture politique // La peninsule Arabique d'aujourd'hui / Ed. by P. Bonnenfant. T.II. Etudes par pays. Paris: C.N.R.S., 1982. P.31-48.
30. Stookey R.W. Yemen. The politics of the Yemen Arab Republic. Boulder, Colorado: West view Press, 1978.
31. Иванов Н.А. Свободные и податные племена Северной Африки в XIV в. // Арабские страны: История / Под ред. Е.А. Лебедева и др. М.: Наука, 1963. С.152-192.
32. Al-Rasheed M. The Rashidi Dynasty: Political Centralization among the Shammar of North Arabia // New Arabian Studies. 1994. Vol. 2. P.140-152.
33. The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan / Ed. by R. Tapper. London — Canberra: Groom Helm, 1983.
34. Evans-Pritchard E.E. The Sanusi of Cyrenaica. London: Cohen & West, 1949.
35. Eickelman D.F. The Middle East. An Anthropological Approach. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1981.
36. Johnson A.W., Earle T. The Evolution of Human Societies. From Foraging Group to Agrarian State. Stanford, CA: Stanford University Press, 1987.
37. Бондаренко Д.М. Вождества в доколониальном Бенине // Ранние формы политической организации / Под ред. В.А.Попова. М.: Наука, 1996 (в печати).
38. Bondarenko D.M. Precolonial Benin: Man, Society, Authority and the Structure of the Socium // State, City and Society / Ed. by M.Lai and J.Sabloff. New Delhi: World Archaeological Congress, 1994. P.1-10.
39. Gellner E. Saints of the Atlas. London: Weidenfeld and Nicolson, 1969.
40. Malinowski B. Freedom and Civilization. New York: Roy, 1944.
41. Sahlins M.D. Tribesmen. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1968.
42. Попов В.А. Ашантийцы в XIX веке: Опыт этносоциологического исследования. М.: Наука, 1982.
43. Fried M.H. The Notion of Tribe. Menlo Park, CA &c: Cummings, 1975.

44. Renfrew C. Beyond a Subsistence Economy: the Evolution of Social Organization in Prehistoric Europe // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 1974. Vol. 20. P.69-95.
45. Oberg K. Indian Tribes of Northern Mato Grosso Brazil. Washington: Smithsonian Institution, 1953. N 15.
46. Oberg K. Types of Social Structure among the Lowland Tribes of South and Central America // *American Anthropologist*. Vol. 57. 1955. P.472-487.
47. Steward J.H., Faron L.C. Native Peoples of South America. New York: McGraw-Hill, 1959.
48. Dresch P. The Position of Shaykhs among the Northern Tribes of Yemen // *Man*. 1984. Vol. 19. P.31-49.
49. Chelhod J. L'Organisation sociale au Yemen // *L'Ethnographie*. 1970. Vol. 64. P.61-86.
50. Chelhod J. Social Organization in Yemen // *Dirasat Yamaniyyah*. 1979. N 3. P.47-62.
51. Chelhod J. Les structures sociales et familiales // *L'Arabie du Sud: histoire et civilization / Ed. by J. Chelhod. Culture et institutions du Yemen. Paris. Maisonneuve & Larose (Islam d'hier et d'aujourd'hui, 25). 1985. Vol. 3. P.15-123.*
52. Dostal W. Sozio-oekonomische Aspekte der Stammesdemokratie in Nordost-Yemen // *Sociologus*. Vol. 24. 1974. P.1-15.
53. Dostal W. Eduard Glaser — Forschungen im Yemen. Wien: Verlag der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften, 1990.
54. Семенов Ю.И. О "социологии племени", теоретическом мышлении и многом другом // *Этнографическое обозрение*. 1992. NN№ 5. С.139-148.
55. Cameiro R.L. The Chieftdom: Precursor of the State // *The Transition to Statehood in the New World / Ed. by G.D.Jones and R.R.Kautz. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. P. 37-79.*
56. Earle T.K. The Evolution of Chiefdoms // *Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology / Ed. by T.K.Earle. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P.1-15.*
57. Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // *Народы Азии и Африки*. 1980. NN№ 1. С.172-186.
58. Chelhod J. La societe yemenite et le droit // *L'Homme*. 1975. Vol. 15. N 2. P.67-86.
59. Serjeant R.B. South Arabia // *Commoners, Climbers and Notables / Ed. by C van Nieuwenhuijza. Leiden: E.J.Brill, 1977. P.226-247.*
60. Stevenson T.E. Social Change in a Yemeni Highlands City. Salt Lake City: Uta University Press, 1985.
61. Gerholm T. Market, Mosque and Mafraj: Social Inequality in a Yemeni Town. Stockholm: Stockholm University Press, 1977.
62. Fried M.H. On the Concepts of "Tribe" and "Tribal Society" // ed. *Essays on the Problem of Tribe / Ed. by J.Helm. Seattle — London: University of Washington Press, 1967. P.3-20.*
63. Robin C. La civilisation de l'Arabie meridionale avant l'Islam // *L'Arabie du Sud, histoire et civilization Le peuple yemenite et ses racines / Ed. by J.Chelhod. Paris: Maisonneuve & Larose, 1984. Vol.1. P.195-223.*
64. Wilson R. Gazetteer of Historical North-West Yemen in the Islamic Period to 1650. Hildesheim &c: Georg Olms Verlag, 1989.
65. Wissmann von H. Himyar: Ancient History // *Le Museon*. 1964. Vol. 77. P.429-497.
66. Beeston A.F.L. Kingship in Ancient South Arabia // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1972. Vol. 15. P.256-268.

67. Beeston A.F.L. Notes on Old South Arabian Lexicography VII // *Le Museon*. 1972. Vol. P.535-544.
68. Ryckmans J. *Himyaritica* (4) // *Le Museon*. 1974. Vol. 87. P.493-521.
69. Robin C. Les hautes terres du Nord-Yemen avant l'Islam. 2 Vols. Istanbul: Nederlands Historisch-Archaeologisch Instituut te Istanbul, 1982.
70. Dayton J.E. A Discussion of the Hydrology of Marib // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 1979. Vol. 9. P.124-129.
71. Robin C. Quelques episodes marquants de l'histoire sudarabique // *Revue du Monde Musulman et de la Mediterranee*. 1991. Vol. 61. P.55-70.
72. Kropp M. The Realm of Evil: the Struggle of Ottomans and Zaidis in the 16th-17th Centuries as Reflected in Historiography // *Yemen — Present and Past* / Ed. by B. Knutsson et al. Lund: Lund University Press, 1994. P.87-95.
73. Nielsen H.C. Social Organization in the Suq and the Old City of San'a' al-Qadimah, Yemen — Present and Past / Ed. by B. Knutsson et al. Lund: Lund University Press, 1994. P.35-45.
74. Puin G.R. The Yemeni Hijrah Concept of Tribal Protection // *Land Tenure and Social Transformation in the Middle East* / Ed. by T. Khalidi. Beirut: American University of Beirut, 1984. P.483-494.
75. Dresch P. Placing the Blame: A Means of Enforcing Obligations in Upper Yemen // *Anthropos*. 1987. Vol. 82. P.427-443.
76. Лундин А.Г. Городской строй Южной Аравии во II-IV вв. н.э. // *Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока*. Т. 5. 1969. С.55-57.
77. Beeston A.F.L. Warfare in Ancient South Arabia (2nd — 3rd centuries A.D.). London: Luzac, 1976.
78. Beeston A.F.L. Some Features of Social Structure in Saba' // *Studies in the History of Arabia* / Ed. by A.M.'Abdallah et al. Sources for the History of Arabia. Pt.1. Riyadh: Riyadh University Press. 1979. Vol.1. P.115-123.
79. Loundine A.G. Le regime citadin de l'Arabie du Sud aux IIe-IIIe siecles de notre ere // *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 1973. Vol. 3. P.26-28.
80. Северцов А.Н. Морфологические закономерности эволюции. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1939.
81. Северцов Л.Я. Главные направления эволюционного процесса. 3-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1967.
82. Rensch B. *Evolution above the Species Level*. New York: Columbia University Press, 1960.
83. Dobzhansky T., Ayala F.J., Stebbins G.L., Valentine J.W. *Evolution*. San Francisco: Freeman, 1977.
84. Попов В.А. Историческая динамика постстарно-политической структуры конфедерации Ашанти и специфика вторичного политогенеза // *Племя и государство в Африке* / Под ред. Ю.М.Ильина и др. М.: Институт Африки АН СССР, 1991. С. 150-160.
85. Robin C. La cite et l'organisation sociale a Ma'in: L'exemple de Ytl (aujourd'hui Baraqish) // *The Second International Symposium on Studies in the History of Arabia. Pre-Islamic Arabia*. 1399. 1979.
86. Родионов М.А. Этнография Западного Хадрамаута: общее и локальное в этнической культуре. М.: Наука, 1994.
87. Наумкин В.В. Национальный фронт в борьбе за независимость Южного Йемена и национальную демократию. М.: Наука, 1980.
88. Акилвин А.Дж. Этносоциальная структура и институты социальной защиты в Хадрамауте (XIX — первая половина XX вв.): Автореф.дис. СПб.: Институт востоковедения РАН, 1992.
89. Родионов М.А. Можно ли отменить социальные страты? Уроки Хадрамаута // *Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика,*

потестарно-политические функции: Памяти Л.Е.Куббеля / Под ред. В.А. Попова. М.: Наука, 1993. С. 321-327.

90. Serjeant R.B. The Saiyids of Hadramawt. London: School of Oriental and African Studies, 1957.

91. Bujra A.S. The Politics of Stratification: A Study of Political Change in South Arabian Town. Oxford: Oxford University Press, 1971.

92. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Ф. Индия в древности. М.: Наука, 1985.

93. Ghul M.A. New Qatabani Inscriptions // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1959. Vol. 22. P.1-22, 419-438.

94. Bafaqih M.A. L'unification du Yemen antique. La lutte entre Saba', Himyar et le Hadramawt de Ier au IIIeme siecle de Pere chretienne. Bibliotheque de Raydan, 1. Paris: Geuthner, 1990.

95. Korotayev A.V. Were there any Truly Matrilineal Lineages in the Arabian Peninsula? // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. 1995. Vol. 25.